

Вс. Миллера („Взгляд на «Слово о полку Игореве»“, М., 1877), А. А. Потебни („Слово о полку Игореве“, 1877), П. П. Вяземского („Слово о полку Игореве“. Исследование о вариантах, 1877).

Работа Огоновского по критическому изданию текста „Слова“ должна быть оценена в основном положительно. Учтя все, что сделано было в этом отношении его предшественниками, он с большой осторожностью вносил собственные конъектуры, допуская их лишь в том случае, когда дошедший до нас текст не давал надлежащего смысла. То же нужно сказать — в отношении установления текста „Слова“ — и о работе Вс. Миллера, в своей историко-литературной части содержащей, как известно, ряд совершенно ошибочных принципиальных положений.

Ссылаясь на Максимовича, предложившего некоторые перестановки в мусин-пушкинском тексте „Слова“, а также, видимо, принимая в соображение мнение Огоновского о наличии в „Слове“ нескольких глосс, сделанных переписчиками, Потебня пошел в деле реконструкции мусин-пушкинского издания гораздо дальше, чем Максимович и Огоновский. Он писал: „... я пришел к предположению, что в «Слове» многое не необходимо, многое стоит не на своем месте. Кажется, что список, дошедший до нас в издании 1800 г., ведет свое начало от черновой рукописи, писанной самим автором или с его слов, снабженной приписками на полях, заметками для памяти, поправками, вводившими переписчика (быть может, конца XIII или самого начала XIV в.) в недоумение относительно того, куда их поместить. Для самого автора могло быть неясно, какие из амплификаций первоначального текста окажутся нужными, какие излишними при окончательной редакции, до нас не дошедшей или вовсе не осуществленной. Сверх того, кажется, в текст введены глоссы одного или более чем одного переписчика“.¹

Исходя из этих соображений, Потебня, помимо довольно значительных поправок к тексту, не всегда убедительных, делает в нем не только перестановки, руководствуясь, главным образом, абстрактными синтаксическими умозаключениями, но и выключает из „Слова“ немало отдельных частей его текста, порой значительных по объему, которые он считает приписками на полях, вставками и глоссами. Эти исключенные им места он заключает в квадратные скобки. Несмотря на ряд остроумных догадок, Потебня, естественно, не мог удержаться от таких операций с текстом „Слова“, которые являются в большей своей части произвольными, подсказанными субъективным подходом к тексту памятника. Кроме того, Потебня, следуя в основном за Буслаевым, реконструировал фонетику и орфографию „Слова“, применительно к идеальной норме языкового строя русских памятников XII в. и тем самым предложил не реальный, а им самим примышленный фонетический и орфографический облик „Слова“.

¹ А. Потебня. „Слово о полку Игореве“. Воронеж, 1878, стр. 2.